

Сюжетное своеобразие калмыцких богатырских сказок в записях Г. Балинта

* Статья подготовлена в рамках Госзадания № 115040310135 «Свод калмыцкого фольклора. Подготовка томов: Том „Калмыцкие богатырские сказки“» (2015–2017).

Влияние традиции на фольклорный текст выражается относительной устойчивостью словесного текста, характером и стилем исполнения. Талантливые сказители в своем творчестве опираются на общекалмыцкий фольклорный опыт и традицию и вместе с тем вносят в произведения новые черты и детали, приспосабливая сюжет, образы и стиль соответственно своему творческому замыслу.

В этой связи актуальной является проблема текстопорождения сказки в фольклорной традиции. Отдельные аспекты данной проблематики рассматривались в работах [Аникин 1976; Ведерникова 1972; Волков 1924; Гацак 1975; Горяева 2011; Ёндон 1989; Каушал 1988; Надбитова 2011; Неклюдов 1975; Никифоров 2008; Пропп 2001; Сарангов 1997; Селеева 2017]. В настоящей статье рассматривается своеобразие сюжетов двух богатырских сказок, записанных во второй половине XIX в. известным венгерским ученым-исследователем Г. Балинтом. Материал интересен тем, что записан он был в раннее время, когда фаза бытования калмыцкой сказочной традиции была еще активной, поскольку уже со второй половины XX в. наблюдается исчезновение из активного бытования некоторых жанров традиционного фольклора, в том числе богатырской сказки.

В 1869 г. венгерский ученый-исследователь Г. Балинт по особому поручению Венгерской Академии наук был направлен в Россию для исследования живых угро-финских и алтайских языков. В Астрахани он записал калмыцкие тексты, на пути в Монголию — бурятские, а в Урге — халха-монгольские. Рукописное наследие ученого остается практически не исследованным: *A Romanized Grammar of the East- and West-Mongolian Languages with Popular Chrestomaties of both Dialects containing Allitterative Folk-songs, Anecdotes, Conversations, Fables,*

Proverbs, Prayers, Letters, Writes and the Description of the Characteristical Usages and House-keeping of the Mongolians, every piece with faithful translation, by Professor G. Balint of Szentkatolna (XIII + 200 рукописных страниц), Восточномонгольские (халхаские) тексты (88 рукописных листов) и Западномонгольские (калмыцкие) тексты (184 рукописных листа) [Кара 1962: 161]. Первые две рукописи хранятся в Восточном отделе библиотеки Венгерской Академии наук, а третья — в архиве Академии.

Особый интерес для калмыковедения представляет рукопись «Западномонгольские (калмыцкие) тексты», записанная Г. Балинтом в Астрахани (1871–1872 гг.) у учеников калмыцкой школы при посредничестве преподавателя Шамбы и школьного врача Манжин Савгра. В сборник калмыцких текстов, наряду с пословицами и поговорками, загадками, благопожеланиями и песнями, также вошли сказки. Эти материалы были подготовлены к печати и опубликованы в 2011 г. венгерским исследователем А. Биргалан [Kalmyk Folklore... 2011]. Переложение сказок на современный калмыцкий язык для публикуемого издания было осуществлено научными сотрудниками Калмыцкого научного центра РАН Б. Б. Горяевой [2017] и Д. В. Убушиевой [2017].

Зачин богатырской сказки № 6 повествует о богатыре Зула Шара Арсланге, сыне восьмитысячелетнего Намджил Цаган Авги, у которого был конь Аранзал Зеерде [Горяева 2017: 19]. Начальная мотивировка основана на «мотиве вещего сна»: «Однажды богатырю снится плохой сон о том, что его подданных угнали, а божественную голову его закопали у домашнего порога».

Далее сказочное повествование продолжается характерным для богатырских сказок типологическим эпизодом «отлучки богатыря»: «Богатырь отправляется в путь, и ему встречается человек, ехавший расправиться с ним и захватить его владения. Шара Арсланг вступает в схватку с недругом, после продолжительного сражения одерживает верх и расправляется с ним, коня противника зажаривает, съедает, отдохнув, отправляется в кочевья своего недруга».

Как правило, богатырь, одержавший победу, завладевает страной и кочевьем побежденного им противника: «Богатырь Шара Арсланг, прибыв, раскидав привратников, вошел в хозяйский дом, сел на престол и заявил хатун о своей непобедимости и о намерении стать владыкой их кочевий».

Далее в сюжет повествования встраивается «мотив побратимства»: «В это время к богатырю вышел нагой младенец по колено в грязи. Младенец сказал, что, узнав о его приезде, вышел он из утробы матери, после чего красным камнем, что размером с корову, разрезал себе пуповину и предложил богатырю Шара Арслангу стать его побратимом». Мотив побратимства относится к распространенным мотивам тюрко-монгольской сказочно-эпической традиции и, по всей вероятности, обусловлен влиянием известного эпизода побратимства Темуджина и Джамухи из «Сокровенного сказания монголов». Сын противника становится побратимом героя-богатыря, как, например, Хонгор и Джангар в калмыцком эпосе, но также довольно часто в сказках и эпосе встречается эпизод, когда вышедший из утробы матери антагонистически настроенный младенец противника вступает с героем в смертельную схватку.

Собственно мотивировка основной сюжетной линии связана с тем, что богатырь осведомляется у хатун о противнике, живущем на земле и способном его одолеть. Хатун поведала о том, что его суженую унес ядовитый, лысый, светло-рыжий змей. Младший брат изъявляет желание отправиться с ним, но старший, оставив младшего, отправляется в одиночку.

Кульминацией сказочного сюжета является типологический для сказочных повествований данного типа архаический «змееборческий мотив» — схватка богатыря со змеем: «Когда богатырь прибыл, то ему показалось зияющее красное отверстие норы и змей, готовый проглотить свою жертву, суженую богатыря. У входа в нору богатырь настиг змея и нанес удар мечом, — змей выпустил девушку, а сам скрылся в норе. Юноша последовал за змеем и спустился в нору. Там он обнаружил плененных девушек и юношей, змею со змеем, который натачивал красным камнем пятьсот острых кончиков своего языка. Богатырь выстрелил и прострелил змею сердце, — стрела прошла сквозь лопатку и устремилась в небо. Змее же он прострелил низ живота — стрела, пройдя насквозь, вонзилась в землю. Затем вытащил обеих змей из норы и разрубил на шесть частей.

Через некоторое время вслед за ним прибыл его младший брат. Богатырь приказал ему отправиться к птице-гаруде, находящейся неподалеку от них, — показавшись на глаза птице, он велел ему скрыться, не дав птице себя настичь. Младший брат исполнил все, как наказывал ему брат. Птица хан-гаруда погналась вслед за юношей, но тот, не

дав себя настигнуть, примчался к брату. Богатырь Зула Шара Арсланг обратился к птице с просьбой, чтобы она съела останки змей. Прежде птица-гаруда рассказала, что на одном из тополей она свила гнездо и вывела птенцов. Эти две змеи уничтожали ее птенцов, будучи очень крупной птицей, она не смогла ни проникнуть в нору, ни достать с дерева и уничтожить их. Затем птица съела останки змей и улетела.

Два брата, взяв с собой девушку, возвратились во владения хатун, собравшись, все вместе откочевали в кочевья Зула Шара Арсланга. Два брата прибыли первыми, за ними вслед прикочевало все кочевье. Богатырь Зула Шара Арсланг женился на спасенной им девушке. Младшего брата женил на дочери одного из своих нойонов. Стали они жить в счастье и благоденствии».

Сюжет данной волшебной-героической сказки является контаминированным и по СУС соответствует следующей контаминации: $400 = AA400A + 317 + 300 = AA300A + 243F^*$ [Сравнительный указатель сюжетов 1979]. В данном сказочном сюжете тип 400 «Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа)» из раздела «Чудесный супруг (супруга или иной родственник)» (400–459) имеет трансформированную форму — «Герой ищет исчезнувшую суженую». Сюжетный тип 317 «... Юноша выпускает пленников, убивает людоеда, женится на освобожденной девушке» из раздела «Чудесный противник» (300–399) также трансформирован: «Суженая героя — пленница супружеской змеиной пары. Герой спасает суженую, выпускает пленников, убивает супружескую змеиную пару, женится на освобожденной девушке». Из раздела «Чудесный противник» мы находим еще одно соответствие сказки сюжетному типу 300 «Победитель змея: герой освобождает обреченную на съедение царевну и женится на ней».

Сюжетный тип 243F* «Змея съедает воронят: ворона мстит ей — ворует золотой браслет у купающейся княжны и подбрасывает в нору змеи; браслет находят, а змею убивают», восходящий к разделу «Птицы и рыбы» (220–274), в рассматриваемом сказочном сюжете также имеет трансформированную форму — «Супружеская змеиная пара съедает птенцов птицы-гаруды, гаруда пытается отомстить им, но ей не удается. Герой убивает змея и отдает на съедение птице-гаруде». Следует отметить, что мотив «о змее и мифической птице-гаруде» весьма распространен в сказочно-эпической традиции калмыков.

Сюжет богатырской сказки № 9 [Горяева 2017: 27–30] начинается с зачина, хорошо известного тюрко-монгольской эпике, повествующе-

го о рождении чудесного сына бездетными стариком и старухой. Герою предначертано умереть в семилетнем возрасте, но в случае если он выживет, то в будущем на земле не будет ему равных. Со временем отец с матерью умирают, и юноша остается один.

Когда ему исполнилось семь лет, он обнаружил богатырского коня, в сундуках обнаружил седло, меч, плеть, снаряжение. Данный эпизод восходит к архаическому мотиву о дарителе-заячи, покровительствующему герою во всех его героических подвигах и преподносящему в дар ему чудесного богатырского коня и чудесное оружие.

В сюжете нет особой мотивировки отлучки героя, он просто уезжает из дома: «Юноша, облачившись в одежды, вооружившись, сев на коня, получив благословение народа, отправляется в путь». Как и в рассмотренном ранее сюжете, сказочное повествование продолжается характерным для богатырских сказок типологическим эпизодом, построены на встрече героя в пути с недругом, сражением с ним, инициационной смертью и воскрешением, примирением: «Отправившись в путь, добрался он до одной возвышенности, присмотрелся и увидел приближающегося богатыря. Юноша вступил с ним в схватку. Боролись они так, что разорвали друг другу глотки и умерли. Их исцелил бурхан, и они стали побратимами. Богатырь, встретившийся в пути, был восьмилетний Богдо, сын Нярхен Шара Авги, которому от роду было восемь тысяч восемьсот лет. Сам юноша был семилетним Богдо богатырем, сыном Дёше Хара Авги, которому было семь тысяч семьсот лет. Вдвоем отправились они в гости к родителям восьмилетнего Богдо. Родители с радушием встретили обоих богатырей. Пожив какое-то время у родителей, они отправились в путь, изведать неизведанные земли».

Дальнейшее повествование связано с сюжетной завязкой, когда в пути им встретился один человек, который поведал о том, что он посланник хана Шулман Шара Бирмена и отправлен пленить семилетнего богатыря Богдо. Юноши указали направление, где он живет, а сами отправились во владения Шулман Шара Бирмена.

Типологический характер носит эпизод, связанный с прибытием богатырей к потенциальному противнику, завершающийся расправой над ним: «Когда богатыри прибыли к хану Шулман Шара Бирмену, то тот обошелся с ними грубо, обозвав их псами. Юноши в ответ на оскорбления избили его, в землю на семь аршинов вбили, а сверху засыпали землей». Как и в предыдущем сюжете, сын противника ста-

новится побратимом героя-богатыря: «У того хана был сын, юноши стали побратимами. Оставив младшего брата дома, богатыри отправились в путь».

Весть богатырю о суженой, захваченной в плен, приносит птица-гаруда: «Ехали они, ехали, со стороны захода солнца показалось им что-то летящее. Птица-гаруда, прилетев, поведала о том, что в стороне захода солнца обитает Бадма Цецег хан, его дочь насильно пытается взять в жены Шара Мангас. Девушка велела, чтобы она известила и привела семилетнего богатыря Богдо. Юноша сказал, что они с братом отправятся туда, а птица-гаруда пусть следует за ними. Юноша, положив в карман брата с конем, отправился в путь».

Кульминация сюжета связана с эпизодом, когда герой проявляет природную смекалку и хитрость для освобождения суженой: «Прибыли они в ханство Бадмы Цецег за два дня до выдачи ее за Шара Мангаса. Богатыри, увидев прикованных к телеге хана с хатун, зашли в дом. Шара Мангас осведомился о том, кому из зурхачи велел провести ритуал поклонения жениха и невесты. Семилетний Богдо сказал, что ему зурхачи велел совершить обряд. Юноша, схватив Шара Мангаса за шею, одной рукой совершал ритуал моления девушки и сам молился, а Шара Мангасу не позволял молиться. Завершив, юноша ответил, что это и был ритуал, проведенный зурхачи».

Развязка сюжета, как и во многих богатырских сказках, связана с мотивом расправы героя над соперником: «В это время сидевший у порога брат иносказательно дал понять, чтобы он передал ему мангаса. Семилетний Богдо схватил и швырнул Шара Мангаса к дверям. Восемилетний Богдо поймал и приковал его к дверям. Входящий люд давал ему оплеуху, выходивший бил, так и скончался он, а переломанные кости его были разбросаны. Братья привезли девушку домой и стали жить счастливо и благополучно».

Сюжет рассмотренной богатырской сказки также является контаминированным и по СУС соответствует следующей контаминации: 508=AA508A + 300=AA300A. В сказочном сюжете обнаруживается тип 508 «Благодарный мертвец: дарит похоронившему его человеку коней и оружие для борьбы со змеями (врагами)» из раздела «Чудесный помощник» — «После смерти родителей герой обнаруживает богатырского коня, в сундуках седло, меч, плеть, снаряжение». Еще один сюжетный тип, обнаруженный в сказке, — 300=AA300A «Победитель змея: герой освобождает обреченную на съедение царевну и женит-

ся на ней» имеет трансформированную форму — «Суженую героя насильно пытается взять в жены мангас, герою удается обхитрить соперника и жениться на ней».

Рассмотренные богатырские сказки не имеют прямых соответствий в сказочных указателях и представляют собой своеобразно трансформированные контаминированные сюжеты. В калмыцких сказках, записанных Г. Балингом во второй половине XIX в., встречаются как варианты международных сюжетов, так и локальные. Налицо продукт творчества талантливых сказителей, в сказочных сюжетах которого находят воплощения как традиционные сюжеты и архаические мотивы, жанровая обусловленность, мировоззренческие представления этноса и импровизация, приводящая к сюжетной контаминации. В обеих сказках основная сюжетная тема «поиска суженой» сопряжена с темой «борьбы с зооморфным, хтоническим или антропоморфным противником». Архаизм сюжетов выражается мифологическими мотивами, а также тем, что антагонистом героя выступают существа зооморфного и хтонического происхождения. К типологическим мотивам относятся «мотив встречи противника в пути», «мотив побратимства героя с сыном противника; с противником», «мотив помощи чудесной птицы-гаруды» и др.

Таким образом, проблема текстопорождения сказки в фольклорной традиции непосредственно связана со структурированием жанровой модели, трансформацией во времени, с «картиной мира» и «моделью мира» этноса, фондом текстов, формул, тем, сюжетов и мотивов, составляющих общий фонд и «знание традиции», которыми оперирует сказитель, слагая свои тексты.

Литература

Аникин В. П. Об особенностях, мотивах и сюжетах сказок // Литературные направления и стили: сб. ст., посвящ. 75-летию проф. Г. Н. Пospelова. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 161–181.

Ведерникова Н. М. Контаминация как творческий прием в волшебной сказке // Русский фольклор. Т. XIII. Русская народная проза. Л.: Наука, 1972. С. 160–165.

Волков Р. М. Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки: Сказка великорусская, украинская и белорусская. Одесса: Госиздат Украины, 1924. Т. 1. 227 с.

Гацук В. М. Сказочник и его текст (к развитию экспериментального направления в фольклористике) // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 44–52.

Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар». 128 с.

Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки в записи Габора Балинта // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 6–32.

Кара Г. О неизданных монгольских текстах Г. Балинта // Народы Азии и Африки. 1962. № 1. С. 161–162.

Каушал М. Сюжетно-тематический фонд, композиция и традиционные формулы индийских и русских волшебных сказок в сопоставительном освещении: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1988. 19 с.

Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок / отв. ред. В. Л. Кляус. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2011. 260 с.

Неклюдов С. Ю. Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 82–88.

Никифоров А. И. Сказка и сказочник / сост., вступ. ст. Е. А. Костюхина. М.: ОГИ, 2008. 376 с.

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстолог. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.

Сарангов В. Т. Калмыцкие сказки о богатырях как разрушенные формы героических сказаний // VII Междунар. конгресс монголоведов: докл. рос. делегации, г. Улан-Батор, авг. 1997 г. М.: Наука, 1997. С. 158–159.

Селеева Ц. Б. Структура калмыцких богатырских сказок в свете морфологической теории В. Я. Проппа // Вестник Северо-Восточного федерального университета (Серия филология). 2017. №4 (60). С. 114–121.

Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, ЛО, 1979. 437 с.

Убушиева Д. В. Водный мир в сказках астраханских и донских калмыков // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Вып. 4. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 49–81.

Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19 Century. Philological Studies on the Basis of Gábor Bálint of Szentkatolna's Kalmyk Texts. Edited by Agnes Birtalan with the collaboration of T.G. Basangova (Bordzanova) and with the assistance of B.V. Gorjajeva. Budapest, 2011. 380 p.